

ЕКАТЕРИНА ВИЛЬМОНТ

*про жизнь
и про любовь*

**Кино
и немцы!**

Екатерина Николаевна Вильмонт

Кино и немцы!

Серия «Про жизнь и про
любовь: Екатерина Вильмонт»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133618

Зеленые холмы Калифорнии. Кино и немцы!: романы / Екатерина

Вильмонт: Олимп; М.; 2005

ISBN 978-5-17-098624-8

Аннотация

Вроде бы совсем обычный Новый год, который люди так часто отмечают в теплом семейном кругу, вдруг превратился для Майи в кутерьму из событий и неожиданных встреч. И старт Новому году дал чужой ребенок, позвонивший в дверь ранним утром первого января, – настоящий новогодний подарок, с которым в жизнь героини пришли и новые друзья, и новая любовь...

Содержание

4

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Екатерина Вильмонт

Кино и немцы!

Святочная история

«Бенбери умер!»

Оскар Уайльд. «Как важно быть серьезным»

– Майка, ты на Новый год опять в Питер? Тебе не надоело?

– Может, и надоело, но ты же знаешь, у меня там тетка, она одинокая, старая и мой приезд для нее – праздник, – вяло ответила Майя.

– А если для разнообразия тетка приедет к тебе в Москву?

– Ну что ты, ей тяжело, она старенькая.

– А я думала...

– Что ты думала? Очередного жениха мне нашла?

– Ну не то чтобы жениха, а все-таки... Просто у нас женщин в компании маловато.

– Надо же! Редкий случай! – улыбнулась Майя. – Обычно бывает наоборот.

– Ну ты же знаешь, я девушка нестандартная. Ты уже и

билет купила?

– Конечно.

– Жалко. Ну ладно, вольному воля!

До этого разговора Майя не была уверена, что хочет в этом году в Питер, но, положив трубку, встала, оделась и поехала на вокзал, благо близко – пять остановок на троллейбусе.

У нее не было тетки в Питере, у нее вообще никого не было. Эту тетушку она придумала, чтобы не сидеть одной в праздники и не быть обузой в компаниях. Одинокая женщина в компании – это проблема. Ее надо провожать, да и вообще... А так она всем говорила, что уезжает тридцатого, и не подходила к телефону, не высовывала носа из квартиры, а уезжала тридцать первого. В вагоне поезда всегда находились люди, с которыми можно было встретить праздник, выпить бокал шампанского, поговорить... А утром выйти на Московском вокзале, вдохнуть сырой, холодный питерский воздух и отправиться гулять по любимым местам дивного города, отдыхая в кафе. К вечеру она уставала так, что в поезде, везущем ее назад, в Москву, спала, как говорится, без задних ног. А утром с удовольствием возвращалась домой, в свою уютную однокомнатную квартиру, после питерской холодной бесприютности казавшуюся поистине упоительным гнездышком.

С Питером ее связывало многое. Ее мать была родом из

Ленинграда и ездила туда каждый год. Впервые она взяла Майю с собой, когда девочке исполнилось шесть лет. Они остановились в гостинице. Не в какой-нибудь, а в знаменитой «Астории», в громадном двухкомнатном номере со старинной мебелью и просторной ванной. Все это поразило воображение маленькой девочки невиданной роскошью и ледяным холодом – в гостинице испортилось отопление, а номер был угловой, месяц – ноябрь, но одно из громадных окон было завешено портретом космонавта Николаева – город готовился к ноябрьским праздникам. Мама тогда смеялась, говорила, что теперь Андриян Николаев ее любимый мужчина, что он спасает их от окончательной гибели. Действительно, в другом номере, где жил кто-то из маминых знакомых, было еще холоднее. В ресторане на завтрак Майя ела удивительно вкусную штуку – гурьевскую кашу. Ее подавали в металлической раскаленной сковородке. Под румяной корочкой были сухофрукты и манная каша. А за соседним столиком завтракал пожилой иностранец. Он сидел в пальто – впрочем, все посетители были в пальто – и ел яйца всмятку. Казалось бы, подумаешь невидаль – яйца всмятку! Но как он это делал! Ножичком срезал верхушку яйца одним движением, просто сносил ее, потом солил яйцо и мазал горчицей! Майя много раз пробовала так срезать верхушку, но у нее ничего не получалось. Прошло тридцать лет, а она помнит этого иностранца, кажется, он был англичанин. Мама, кстати, тоже пробовала так обращаться с яйцом и у нее тоже ни-

чего не получилось, зато она стала есть яйца с горчицей. Еще с той поездки Майя запомнила чудный спектакль в Большом драматическом театре, веселую грузинскую комедию «Ханума». Ах, как они с мамой смеялись тогда, как пели куплеты оттуда: «Над рекой стоит гора, под горой течет Кура!» Теперь у Майи есть видеозапись этого спектакля и в минуты хандры она ставит эту кассету... А еще она отчетливо помнит, как шла с мамой по Невскому и вдруг они встретили какого-то мужчину, маминого знакомого. Они с мамой обрадовались, расцеловались и стали говорить как-то странно – хоть и по-русски, но Майя почти ничего не понимала, и ей стало почему-то страшно, тревожно и она заплакала, а мама рассердилась на нее... После смерти мамы, разбирая ее архив, Майя нашла несколько фотографий того мужчины и письма от него. Он был маминой любовью...

И она свою любовь встретила в Ленинграде и там же вышла замуж и была безумно счастлива... полгода, а потом счастья уже не было, была просто жизнь. Через пять лет он ушел от нее, и она вздохнула с облегчением. Без него ей лучше дышалось. И вернулась в Москву, в трехкомнатную квартиру, оставшуюся от родителей. Устроилась на хорошую работу и начала новую жизнь – одинокой женщины, от которой страдала только в праздники. А когда фирма прогорела и работы не стало, она продала большую квартиру, купила однокомнатную, благодаря чему выжила в тот год, что сидела без работы. Он запомнился ей тем, что она почти все время про-

водила, лежа на диване с книгой. Перечитала все собрание сочинений Бальзака, а потом школьная подруга Инна создала свое рекламное агентство и пригласила Майю с ее филологическим образованием к себе.

– Реклама должна быть грамотной! Вот ты за этим и будешь следить. А то: «Кофе Чибо. Давать самое лучшее!» – это что? Это на каком языке? Я не переживу, если такое выйдет из моего агентства, – говорила она, убеждая Майю взяться за эту работу.

– Но зачем я тебе? Ты и сама грамотная! – удивлялась Майя.

– Ага, но это с утра! А к вечеру у меня в голове уже все путается! И потом, у меня образование техническое, и я не могу аргументированно объяснить этим козлам-рекламодателям, что говорить надо жалюзи, а не жалюзи! А мы над твоим рабочим местом повесим красный диплом филфака!

Диплом на стенку вешать не стали, но иной раз Майе удалось при помощи специальной терминологии и чувства юмора запудрить мозги малограмотным заказчикам, к тому же сама изысканно-интеллигентная внешность и манеры этой женщины, не очень вязавшиеся с обстановкой и стилем рекламного агентства, действовали умиротворяюще. Правда, не всегда. Один непробиваемый идиот-заказчик, послушав ее доводы, вдруг стукнул кулаком по столу:

– Хватит мне мозги компостировать, цаца сыровяленая!

– Почему сыровяленая? – опешила Майя.

– Свежезамороженная тебе больше нравится? – рывкнул он и ушел, хлопнув дверью.

Она ужасно расстроилась. Еще бы, упустила клиента. Но Инна ее успокоила:

– Не расстраивайся! Придет, куда он денется! У нас дешевле...

Он и в самом деле вернулся, но занималась им сама Инна. Тут филология была бессильна.

– Простите, на завтра билеты до Питера есть?

– На какой поезд?

– Хорошо бы на «Стрелу».

– Пожалуйста. Завтра мало кому охота в поезде трястись, – улыбнулась кассирша. – Праздник все ж таки. Будете брать?

– Да. – Майя уже открыла сумку, достала кошелек, но что-то вдруг словно ударило ее в грудь, заболело сердце. – Извините, а если завтра прийти? Я забыла деньги.

– Ничего, и завтра билеты будут, не волнуйтесь. – Кассирша заметила, что женщина вдруг побледнела и губы задрожали. – Не волнуйтесь, – повторила она.

– Спасибо вам.

Дура, сказала Майя сама себе, какая же я дура! Неужто мне мало? Хватит жить жизнью оскарвайльдовского Альджернона. Тетка в Питере – это мой Бенбери. Надо объявить всем подругам, что Бенбери, то бишь тетушка, – умер. То,

что невероятным усилием воли она загнала куда-то далеко-далеко, то, от чего ей все-таки удалось отчасти освободиться, сейчас, у кассы Ленинградского вокзала, вдруг ожило с невероятной остротой, и боль стала почти непереносимой.

Это произошло ровно год назад здесь же, у кассы Ленинградского вокзала. Она встретила взглядом с мужчиной, который поразил ее в самое сердце. Он был очень похож на ее старшего брата, погибшего в Афганистане. Только у брата глаза были голубые, а у этого светло-серые. Он, видимо, неверно истолковал ее ошеломленный взгляд и улыбнулся. Улыбка начисто стерла всякое сходство с Толей, и она смущенно и беспомощно улыбнулась в ответ. На этом инцидент был исчерпан. А ночью в вагоне они столкнулись снова, вместе встретили Новый год и уже не расставались целых три дня. С вокзала он повез ее в свою квартиру, странную холостяцкую берлогу на Карповке, бывшую когда-то частью огромной коммуналки. Там была очень большая комната, внутри которой имелась вторая, круглая, служившая спальней, а у каждого из четырех углов большой комнаты было свое назначение – кухня, кабинет, столовая и гостиная. Туалет и душ располагались в крохотном закутке за пределами странного обиталища. Но Майе там все безумно понравилось. Его звали Денисом. Ей казалось, что никогда прежде она не была так влюблена и счастлива. Каждое его прикосновение повергало ее в трепет, от звуков его голоса по спине

бежали мурашки. Господи, я нашла свою половинку, думала она, глядя на спящего Дениса. Я люблю его... И хочу всегда быть с ним, всегда жить в этой дурацкой квартире, хочу родить от него ребенка... Три дня пролетели как одно мгновение. Пора было возвращаться в Москву, на работу. Она была уверена, что он скажет ей: «Не уезжай, Маюша! Мне будет без тебя плохо!» Надежды эти возникли не на пустом месте. Он все три дня и три ночи твердил ей, как ему с ней хорошо, как плохо и одиноко было без нее. Но когда она сказала, что уезжает, он кивнул со вздохом: что ж делать, надо – значит надо, и поехал провожать ее на вокзал. Уже в такси она почувствовала некое отчуждение, а на перроне он заявил, целуя руку:

– Прощай, Маюша, все было чудесно. Настоящий новогодний подарок, спасибо тебе! Но давай расстанемся пока не поздно, пока все это не утратило романтической прелести. Эта история пахнет елкой и мандаринами! Но ведь не может вся жизнь пахнуть елкой и мандаринами! Да и не нужно! Прощай!

И оставив ее в полном обалдении, он быстро ушел. Она не успела даже слова вымолвить. Домой она вернулась совершенно разбитая и объяснила это тем, что тетка в Питере заболела и пришлось у нее задержаться. Было, дескать, очень тревожно, два дня она находилась между жизнью и смертью, но теперь, слава богу, все прошло... Инна посматривала на нее весьма скептически, явно подозревая, что есть еще при-

чина для столь плачевного вида подруги. Но молчала. Она была тактичной женщиной.

Майя поспешно покинула вокзал. Зачем, зачем опять наступать на те же грабли? Ведь, приехав в Питер, она непременно отправится на Карповку, к тому дому... Неужели нельзя поехать в любой другой город, точно так же слоняться целый день и ночным поездом вернуться обратно? Зачем ехать туда, где уже дважды рухнула жизнь? Тебе мало, дура? Ты все надеешься на новогодние чудеса? Было уже такое новогоднее чудо, было и хватит. Ты поняла, что чудес на свете не бывает, а если бывают, то их хватает разве что на три дня. Иди домой, приготовь что-нибудь вкусное и встретить Новый год у телевизора, как встречают его тысячи одиноких женщин. Конечно, ты могла бы пойти в компанию, но там тебе будет плохо, к тому же все будут спрашивать, почему ты не поехала к престарелой и такой любимой тетушке. Тетушку надо срочно похоронить. Бенбери умер! чтобы больше не было соблазна... Решено, после праздников... Ох, а ведь в этом году праздники какие-то бесконечные, аж до одиннадцатого января. Черт знает что! Ничего, займусь квартирой. Надо устроить генеральную уборку. Разобрать вещи, отдать кое-что в чистку, погладить, накопились уже горы глажки. Это куда правильнее и разумнее, чем таскаться целый день по городу, холодному, неприветливому, и терзать себя воспоминаниями. В прошлом году ей удалось избавиться от них только к середине марта, а сейчас нахлынуло с новой силой.

Господи, она даже не знает, кто он был, этот Денис. Не удосужилась спросить, идиотка! Хотя он вряд ли ответил бы правду. У нее нет даже уверенности, что его и в самом деле зовут Денисом. Скорее всего никакой он не Денис. Просто проходимец, первый попавшийся проходимец, а я от одиночества и безнадежности сошлась с ним стремительно, не задумываясь. Хорошо еще ничем не наградил...

Или лучше все-таки уехать куда-то? Но куда? В чужой, совсем незнакомый город ехать боязно. Хотя чего бояться? Хуже, чем в прошлом году в Питере, не будет. А зачем вообще куда-то ехать? Идиотизм, детский сад, дурацкая, неистребимая вера в чудо. Когда-то в пионерском лагере одна девочка, изображая из себя гадалку, сказала ей: ты встретишь свою судьбу в поезде в Новый год. Собачья чушь! А может, завести собаку? Да, именно! Она будет жить у меня, зависеть от меня, нуждаться во мне, а мне будет кого любить. По крайней мере собака точно не скажет «спасибо и прощай»... Эта мысль вдруг так понравилась ей, что она решила пойти домой пешком. Вдруг попадется бездомная собака, которую я возьму и буду о ней заботиться... Говорят, у собачников, постоянно гуляющих в одном и том же месте, возникают дружбы и даже романы... Нет, романов я не хочу! Но как назло ни одной бездомной собаки ей не встретилось. Зато попался мужик, торговавший еловыми ветками, и она купила у него три ветки. Пушистые, пахучие, «Новый год должен пахнуть елкой и мандаринами!» А вот мандаринов покупать

не буду! Лучше апельсины. Ей понравилась мысль встретить Новый год дома. Может, именно дома в Новый год меня ждет чудо? Нехитрая мысль о том, что не надо искать счастья за тридевять земель, так потрясшая население когда-то самой читающей страны мира, которую оно почерпнуло из поповской притчи Коэльо, позабавила Майю. Счастье – это вряд ли, но покой и тепло на Новый год ей гарантированы, разумеется, если не выйдет из строя отопление. Когда она не предавалась жгучей жалости к себе, у Майи было неплохое чувство юмора, позволявшее иной раз посмеяться над собой. Это и спасало. Как хорошо дома: тепло, уютно, теперь вот еще и хвоей пахнет. На антресолях стоит коробка с елочными игрушками, но лезть за ними было лень и она украсила веточки бусами и клипсами. Получилось очень мило. Потом сбегала в магазин, купила разных вкусностей и фруктов – яблок, груш, винограда.

Апельсины решила не покупать, все-таки цитрусовые... Тридцать первого утром долго валялась в постели, смотрела по телевизору старые фильмы и чем дальше, тем больше ей нравилась мысль встретить праздник дома. А то в последние годы все знакомые обсуждали новогодние телепрограммы, а она никак не могла принять участия в этих беседах. Пришлось даже наврать, что тетушка терпеть не может телевизора, она, мол, так изысканна и старомодна, что не может выносить телевизионную пошлость. Ей вообще пришлось столько придумать о тетушке, что у той сложилась даже целая био-

графия. Ленинградская блокада, потом ее, умирающую, нашел какой-то военный, приехавший к жене с фронта, а жена уже умерла с голоду, и он не смог оставить умирающую соседку... Все продукты, которые привез жене, он отдал ей, и она выжила, а потом он опять приехал, и у них начался роман, он женился на ней, а в сорок девятом их обоих арестовали. Она выжила, а он погиб в лагерях, и тетушка всю жизнь любила только его...

– Да, эти женщины умели любить, – вздыхали коллеги, утирая слезы. Самое смелое, что она сама поверила в существование тетушки-аристократки, сроднилась с нею, еще бы, ведь тетушка была плодом ее собственной фантазии. Однажды она даже поймала себя на том, что стоит у прилавка и думает: а не купить ли тетушке вот этот теплый платок? Он такой большой, уютный, а в Питере зимой так промозгло...

Но в семь вечера ею вдруг овладела такая тоска, такое отчаяние, что она оделась и помчалась на вокзал. Встала в очередь за билетами, но когда до окошка кассы оставалось совсем немного, ее вдруг зазнобило, она закашлялась до слез. Я заболеваю! Куда ж ехать в Питер, где даже голову негде преклонить? С ума я, что ли, сошла? И она вышла из очереди.

– Женщина, вы стоять будете? – крикнул кто-то ей вслед, она только рукой махнула, ее душил кашель. Все решилось само собой! Никакого новогоднего чуда, просто грипп! А уж с гриппом, понятное дело, надо сидеть дома, даже не сидеть,

а лежать. Мысль о теплой постели была отрадной. Она добралась до дома, купив по дороге каких-то таблеток, наглоталась их и легла в постель.

Уснула мгновенно. А проснулась в половине двенадцатого, прислушалась к себе и с изумлением поняла, что чувствует себя совершенно здоровой. Ни кашля, ни температуры, ни озноба. Неужто так действовали какие-то таблетки? Или это было нервное? В подкорке сидела мысль, что ехать нельзя, вот организм и придумал ей грипп, как она придумала тетушку Ангелину Игнатьевну! Да, интересно! Ну что ж, такое надо отпраздновать! Она встала, надела новые трусики, лифчик и колготки. Говорят, в Новый год надо надевать три новые вещи. Посмотрела телевизор, выпила вина, поела и опять завалилась спать, вполне довольная жизнью. И решила, что утром будет спать сколько влезет! Но проснулась рано, съела грушу и подумала: как хорошо дома! Блаженно потягиваясь, включила телевизор и с наслаждением стала смотреть детский фильм, старую «Снежную королеву» с юной Прокловой. И вдруг в дверь позвонили. Она испугалась, словно застигнутая на месте преступления. Накинула халат и выскочила в прихожую. А может, затаиться, не открывать? Звонок повторился. Она прильнула к глазку. Никого не увидела.

– Кто там? – спросила на всякий случай.

– Откройте, пожалуйста! – раздался в ответ детский голос.

– Тебе кто нужен?

– Инга Григорьевна!

– Тут таких нет.

– Как нет? – голос прозвучал испуганно.

Майя открыла дверь. На площадке стояла девочка лет десяти. Пухленькая, веснушчатая, в красной шляпке и клетчатом пальто.

– Ты откуда, Красная Шапочка? – невольно улыбнулась Майя.

– Из Лахти.

– Лахти? Это, кажется, в Финляндии?

– Да, я приехала с папой! А где же мама?

– Какая мама? – поразилась Майя.

– Моя мама, Инга Григорьевна Сорочко. Она тут живет, вот адрес!

Девочка протянула ей бумажку. Адрес был Майин.

На лестнице дуло.

– Ты заходи, разберемся, – подбодрила она девочку, у той был испуганный вид.

– Меня зовут Василиса, а вас? Можно я сумку тут поставлю?

Сумка была объемистая.

– Давай сюда, она тяжелая?

– Да. Спасибо! А вас как зовут?

– Майя. Снимай пальто, Василиса! Ты есть хочешь?

– Нет, спасибо, мы с папой завтракали в самолете.

– А где же твой папа?

– Он уехал в Киев.

– Как уехал? – поразилась Майя.

– Он на самолет опаздывал, довез меня, сказал, чтобы я пожила три дня у мамы. – Глаза девочки наполнились слезами. – А мамы нет... Она раньше тут жила...

– Господи, что за кошмар! А как же он... твой папа... Он маму предупредил?

– Он сказал, что это будет новогодний сюрприз для мамы. Она откроет дверь, а на лестнице я...

Твой папа полный кретин, подумала Майя.

– Ну ничего, что-нибудь придумаем, поищем твою маму... А пока побудешь у меня.

– Правда?

– Правда, не выгоню же я тебя на мороз... Но папа... У него есть телефон? Он не мог успеть далеко уехать.

– Конечно! – обрадовалась Василиса. Она вытащила из кармашка мобильник. Набрала номер. – Выключено!

Таких отцов надо убивать! – подумала Майя.

– А вы тут давно живете?

– Два года. А ты почему спросила?

– Тетя Майя, а нельзя как-нибудь найти мою маму? Может, через Интернет?

– У меня, к сожалению, нет компьютера. Можно, конечно, сходить в Интернет-кафе... А кто твоя мама?

– Балерина.

– А где она танцует?

– В кабаре.

Час от часу не легче.

– Ты давно ее не видела?

– Почти два года. Мы с ней на вокзале встретились, когда в Финляндию уезжали. Папа с мамой поссорился, отсудил меня у нее, и мы уехали в Екатеринбург, к бабушке. А потом папа устроился на работу в Финляндии... Мама не сказала, что переезжает... Они с папой все время ругались...

– Знаешь, я, кажется, придумала, как нам найти твою маму! Конечно, сегодня не самый подходящий для этого день... Но попытка не пытка. Ты вот поешь все-таки... Пирожное хочешь?

– А какое? – деловито осведомилась Василиса.

– Есть эклер, есть наполеон.

– А можно сначала наполеон, а потом эклер?

– Можно, – улыбнулась Майя, – но может, сперва бутерброд?

– Нет, спасибо. Лучше пирожные.

– Вообще-то я тебя понимаю. Вот, садись, а мне надо позвонить. Чаю налить?

– Да ну его. А лимонадику у вас нет?

– Увы, чего нет, того нет.

– А какао?

– Какао? Какао где-то, кажется, было! Ага, вот!

Она заварила девочке какао и пошла в комнату звонить. Понимая, что, если ее пошлют куда подальше первого янва-

ря утром, она не вправе будет обижаться.

Но на ее звонки просто никто не ответил. Господи, подумала Майя, а если бы я все-таки поехала в Питер, что было бы с ребенком? Но что же это за отец? Чудовище какое-то! И как ему удалось отсудить девочку у матери? Или мать совсем уж пропащая? А девчонка такая славная! Красная Шапочка.

– Можно? – заглянула в комнату Василиса.

– Заходи. Ты сыта?

– Да. Спасибо.

– Слушай, Василиса, а как ты с папой договорилась?

– Он сказал, что четвертого заедет за мной к маме.

– Ну вот что! Я сегодня, в первый день праздника, никуда не дозвонилась. Ты пока останешься у меня.

– Но я к маме хочу... – насупилась девочка.

И тут Майю осенило. Вдруг кто-то из соседей помнит эту Ингу? На этаже было четыре квартиры, в одной из них жила пожилая дама с очаровательной коричневой таксой. Вот к ней, пожалуй, можно заглянуть в одиннадцать утра первого января. Надо только чем-то занять Красную Шапочку.

– Послушай, Василиса, ты можешь одна побыть минут двадцать?

– А вы куда?

– К соседке зайду, вдруг она помнит твою маму и что-то о ней знает.

– А можно я телевизор посмотрю?

– Ну конечно!

В ответ на звонок раздался громкий лай. Значит, соседка дома.

– С Новым годом, – улыбнулась Майя.

– С новым счастьем, Маечка! Заходите, вы не уехали к тетушке?

Майя открыла было рот сказать, что тетушка умерла, но у нее язык не повернулся.

– Тетушка в санатории, – ляпнула она первое, что пришло в голову. – Генриетта Павловна, простите, что беспокою вас в праздник...

– Да какое там беспокойство! Я вам рада. И вот Флавий тоже рад, видите, как хвостом виляет. Садитесь. Хотите кофе? У меня есть вкуснейший рулет с орехами, курагой и изюмом. Попробуйте, очень рекомендую.

– Сами пекли?

– Разумеется.

– Очень вкусно, спасибо. Извините, Генриетта Павловна, у меня к вам дело.

– Слушаю вас, Маечка. Но рулет все-таки ешьте.

– Я ем, спасибо. Так вот... Вы знали Ингу, которая раньше жила в моей квартире?

– Ну, разумеется. Малоприятная особа была. А почему вы спросили?

Майя торопливо объяснила соседке, в чем дело.

– О господи! – всплеснула руками старая дама. – Неужто

такое возможно? Это же сюжет для фильма!

Генриетта Павловна когда-то работала редактором в объединении «Экран».

– И вы хотите найти Ингу?

– Конечно. Девочка рвется к матери.

– Я понятия не имею, где ее искать, я не поддерживала с ней отношений. Но меня поражает отец. Какая фантастическая безответственность! Ничего не узнав, привезти ребенка и бросить одного? Невероятно. А знаете, в кино это можно было бы прекрасно разыграть: вы приютили ребенка, привязались к нему, потом возвращается блудный отец и у вас начинается роман...

– У меня не может быть романа с таким идиотом! – сердито отрезала Майя.

– Ах боже мой, романы могут быть и с идиотами, и с мерзавцами, в жизни всякое случается. К тому же я имела в виду не конкретно вас...

– Я понимаю. Значит, вы ничего об Инге не знаете?

– Погодите, если я ничего не путаю, она водила дружбу с Валентиной, которая живет на третьем этаже. Может, она в курсе. Вы с ней знакомы?

– Нет, к сожалению.

– Хорошо, я сейчас ей позвоню. Алло, Валечка, с Новым годом! Спасибо, дорогая. Валюта, у меня к вам один вопрос, довольно деликатный... Прекрасно, просто замечательно! – Генриетта Павловна повесила трубку и объясни-

ла: – Она сейчас поднимется к нам. У нее там трое детей, ужасный шум стоит. А где же сейчас девочка?

– Телевизор смотрит.

– Бедняжка! Может быть, позвать ее сюда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.